

ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ПАФОС РОМАНА В.С. МАКАНИНА «АСАН»

КРУТИКОВ Д.А.

КЫРГЫЗСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Ж. БАЛАСАГЫНА

УДК. 882.–31

Роман В. Маканина, удостоенный премии «Большая книга», является, по нашему мнению, знаменательным событием современного литературного процесса и по достоинству еще не оценен критиками и литературоведами. К сожалению, некоторые из них [см. напр., 1; 2; 3; 11], оспаривая достоверность тех или иных реалий и деталей в романе В. Маканина, не обращают внимания на его мощный гуманистический заряд, талантливо воплощенный в художественной основе произведения. С одним из писателей-критиков В. Маканину даже пришлось объясняться на страницах печати [4].

Однако целый ряд критиков признает за романом достоинства. Сошлемся лишь на мнение некоторых из них. Так, Е. Яковлева в числе прочих достоинств романа справедливо относит его к литературе, обжигающей совесть [12]. Д. Коваленко признает: роман «очень достоверный» [6, с. 194]. А. Латынина, повторяя в отдельных случаях ошибку критиков, негативно оценивших роман, все-таки старается быть беспристрастной, и верно пишет, парируя критику В. Топорову: «<...> роман Маканина вовсе не холодный и не конъюнктурный» [7, с. 163], в нем имеются «взлеты, на которые авторы посредственных и конъюнктурных произведений просто неспособны» [7, с. 163]. Позитивные отклики можно множить. Однако детальный анализ критических откликов на роман автор планирует осветить в последующих публикациях, а также в диссертационном исследовании.

В. Маканин в какой-то мере продолжает традицию произведений перестроечного периода, отличающихся критическим и вместе с тем гуманистическим пафосом: «Пожара» В. Распутина, «Плахи» Ч. Айтматова, «Печального детектива» В. Астафьева. В художественную структуру этих и подобных им произведений активно вторглась публицистика. Писатели заговорили о злободневных проблемах современности: нарушенной экологии, наркомании и алкоголизме, опасной криминогенной обстановке в обществе. На фоне этих проблем рождалась новая личность – человека, искалеченного войной, либо афганской либо чеченской.

Автор «Асана» ставит перед читателем вопросы: что происходит с людьми? Что атрофирует их нравственность, гуманное чувство? Виноваты ли в этом политика, судьба, личный выбор? В. Маканин пытается ответить образом главного героя Жилина, его постоянными рефлексиями, исповедями перед собственной совестью. Возможно, писатель следует гуманистическим идеалам, завещанным Л. Толстым, не только в «Кавказском пленнике», но во всем его творческом наследии. Ведь в своих знаменитых дневниках Л. Толстой утверждал: «Во всей путанице, во всем круговороте жизни одна цель, к которой все приходит: увеличивать любовь» [10, с. 256], или: «Добро увеличивает благо жизни» [10, с. 256]. Можно констатировать, что В. Маканин, опираясь на школу великого писателя-гуманиста, главным своим почерком в «Асане» делает психологизм, слитый с гуманными порывами.

В. Маканин своим героем рушит стереотипные установки массовой литературы на героя-супермена, невозмутимого и находчивого всегда и во всем. «Асан» не китч массовой литературы, это высокохудожественное произведение, следующее традициям великой русской классики.

Кто же такой Жилин и чем он занимается на войне? Жилин, 40-летний майор, занятый поставками горючего в воинские части. Война заставила его поставить это дело на коммерческую основу. Правилom Жилина было оставлять каждую десятую бочку себе. Положение героя мотивировано следующей его рефлексией: «Армия была все еще в

полураспаде... Не будь майора Жилина, где-то стояли бы горы бочек с бензином и мазутом, а где-то – ноль. Как при коммунаках. Застой.

Я брал каждую десятую бочку не потому, что я хозяин склада и вор, а потому, что я обеспечивал доставку. Да, я зарабатывал... Но ведь я круто работал. Но ведь у меня информация. У меня осведомители на дорогах, им надо платить. Война в горах – непростое дело... Иной раз я продавал бензин-мазут чичам, но зато и полевые командиры нет-нет и пропускали те колонны, где были машины Сашика» [8, с. 129]. Это жестокий парадокс: война требовала рынка, а рынок (видимо, подогреваемый интригами политики и криминала) – войны.

О бизнесе Жилина донесли верхам, и генерал Трошин сразу пресек слух: «– Ладно, ладно, не стройте из себя девочек... Дорога бывает нужнее бензина. Давайте смотреть на эти две... или три... сколько там бочек?! Смотреть не как на торговлю майора Жилина. А как на подкуп полевых командиров» [8, с. 129]. Так, порочная государственная система заставляет приспособливаться всех, и Трошин, проявив понимание, по сути, поддерживает Жилина.

Не лучше ли бойни бизнес? Автор отвечает на этот вопрос следующей рефлексией Жилина: «И тогда же Бог упрекнул меня *этой кашей* (здесь и далее выделено В. Маканиным. – Д.К.) и остановил меня. *Не воюй...* Бог подсказал мне третий путь.

С тебя хватит крови, майор Жилин... Ты не вояка и не мститель. Ты обычное честное дерьмо <...> *Продавай...* Тебе не выжить иначе.

Предлагай – и продавай... С *дудящими* только так. И не стесняйся... Твоя миссия!» [8, с. 124].

Таким образом новой фазой войны становится обмен: «Обмен вместо обстрела из кустов. Обмен вместо отрезания голов...» [8, с. 36].

Жилин – ответственный человек, но вынужден прогибаться под силой обстоятельств. Когда к власти пришел Дудаев, он работал заводом на оружейном складе. Чеченцы уже стали растаскивать оружие, и покинутый своим начальством Жилин не мог им препятствовать. Лживую политику чинов он протесек: «Меня оставили завскладом, чтобы после отдать судить – судить и упечь в тюрьму. Когда склад окончательно разворуют... Они решили мою судьбу легко» [8, с. 116]. Но эти чины сами прокололись, когда позже попали под суд за брошенные склады: «Ими кто-то высокий прикрылся, как собирались они прикрыться мной. Но все-таки они получили свое. Война – справедливая вещь... Иногда» [8, с. 117].

А вообще отношение к войне у героя однозначное: «<...> эта гнилая война, сраная бойня» [9, с. 18]. Образ войны в романе совершенно не тот, что дала литература о Великой Отечественной войне. Война нынешняя вовсе не священна: «Война – как болото. Все тонет. Все здесь тонет само собой, поглощается и забывается» [9, с. 60]. Более того образ войны связывается с образом полумифического, полупоэтического идола Асана, именем которого назван роман. Никто не знает, что он собственно собой представляет, каковы его корни. Имя Асана на слуху у чеченских боевиков и федералов, этот идол двулик: «И если торг, если с федералами можно договориться, – Асан хочет денег.

Но если атака, если колонну надо брать с боем, – Асан хочет крови...» [8, с. 80].

Генерал Базанов, ветеран афганской войны, человек мирный, с упоением проникающийся духом чеченской культуры, предположил, что имя «Асан» берет свое начало от Александра Македонского, который покорял Кавказ и ассоциировался у местного населения с кровавым божеством. «Думаю, мы все для них асаны <...> Майор Жилин – Асан. Я – уже старый, но Асан... Кстати, и ваш славный захваленный капитан Хворь – тоже Саша. Значит, тоже Асан» [8, с. 79]. Это символично: жестокий Асан обретает свою ипостась в Жилине, вынужденном делеге, человеке с благородным и добрым сердцем. Чеченцы его побаиваются, но и уважают: Сашик–Асан – это авторитет!

Именно гуманная натура Жилина определяет во многом гуманистический пафос романа. Его чувства на фоне суровых военных будней не атрофированы: «Чувства,

получуства, а то и просто странные чувствешечки возникают там и тут, как живые искорки, – они искрят, они пробивают наш ежедневный страх смерти... Война – дело чувствительное... И всякое невнятное чувство, как приبلудная собачонка. Увидел ее – и на сердце теплее» [9, с. 50].

Но на войне чувство жалости противоречит доводам рассудка. Когда Жилину приходится торговаться с боевиками за необстрелянных новобранцев, нагрузившихся алкоголем, чтобы спасти их жизни, перед ним встает дилемма: «<...> Жаль пацанов, так и будут порезанные валяться в кустах! Не протрезвев, не проснувшись!.. А себя самого майору Жилину не жаль?..

Я даже спросил сам себя – почему ты, майоришка, такой заводной?.. ты что, крутой?.. Я спросил себя: куда ты лезешь, дерьмо в камуфляже, когда у тебя дома жена и дочка?.. Каждый день ждуть... Война отдельно – ты отдельно. Запомни... Ты просто служишь. Ты просто служишь на Кавказе.

<...> Пацанов тебе жаль. Ах, ах!.. Будут валяться в траве и в кустах!.. Ах, какие молодые!.. Но взгляни честно. Они приехали убивать. Убивать и быть убитыми... Война» [8, с. 22].

Герой проявляет свою гуманную сущность не только в рефлексиях, но и в разнообразных взаимоотношениях с людьми, в поступках. Он любит своего отца, «старенького выпивоху» [8, с. 66], он прикипел душой к двум контуженным солдатам, «шизам» – Алику и Олежке (что впоследствии приведет его к трагическому исходу), он занимается по мере возможности выкупом солдат: «До холодов мы активно занимались меной или выкупом наших пленных – безухих подчас, насилуемых» [8, с. 94], он старается с пониманием и уважением относиться к местному населению и т. д.

Жалость не чужда и другим героям романа. Можно сослаться, к примеру, на такой эпизод из романа, в котором автор рисует надрывную картину физически искалеченных войной детей, ползущих к большой дороге при виде мирных вертолетов: «<...> я разглядел десяток малолетних калек... Детей... Они ползли по дороге. Прямо под нами... Кто без руки, кто без ноги... Жуткий и страшный выползок калек лейтенант сам комментировал. Я не просил. Я чувствовал тошноту, а оторвать глаз не мог.

Дети, ставшие калекками от недавних бомбежек, обзавелись собственным рефлексом. Как только шумы вертолетов, здоровые дети под рев и треск убегают, – торопясь, они прячутся в ближайший перелесок, а что калеки?.. а калеки вон из домов и на дорогу!.. Ничего лучшего у них нет. Калеки уже научены. Потому что им на открытом месте – безопаснее» [8, с. 47]. На вопрос героя, не бомбят ли при этом село, лейтенант ответил: «Жалеют» [8, с. 47].

И вновь гуманистическая рефлексия героя: «Всякий знает, что жалость уязвимое чувство. Чувствешечко небольшое. Однако оно нет-нет и высунется... То там, то здесь... И пусть, пусть!.. По мне, комментировал лейтенант, такая вот малость жалости – единственное великое, что здесь, на этой войне, осталось» [8, с. 47]. Данная цитата является, по нашему мнению, квинтэссенцией авторской позиции, показывающей, что сострадание единственно оставляет человека человеком.

В. Маканин вовсе не демонизирует врагов. Это обыкновенные люди, со своими судьбами и слабостями. Показательна, в частности, история жизни полевого командира Абусалима Агдаева. Абусалим был взят в плен, но его выкинули из переполненного вертолета. Он сильно побился, но, преодолевая боль, дополз до своих. Абусалим стал набожным, усердно молился, немало удивляя этим родню. «С желанием попасть в рай к настоящим воинам и к грудастым гуриям конкурировало только желание, чтобы ему привели пленного. Русского пленного, который был бы ранен и от голода уже едва бы стоял на ногах...» [8, с. 46]. Абусалим расправился с пленным и «заскучал» [8, с. 46]. Тут и подвернулось дело: «<...> перепродажа бензина. Он не стал жадным, но деньги успокаивали. Он сколотил отрядик и перехватывал горючку где только мог...» [8, с. 46]. К войне интерес полностью угас. Абусалим погибает внезапно, с ним расправляется один из

полевых командиров, чью горючку он перехватил: «Огненный шар ворвался в салон машины и сжег в секунды и Абусалима, и его охранника, и его сына – мальчишку, которого Абусалим вез устроить учиться (между прочим, в русскую школу в Грозный)» [8, с. 46]. Невольно задумываешься о некоем законе воздаяния, которым руководит судьба: Абусалим чудом спасся, упав с вертолета, но был подорван в собственной машине своим же соплеменником. Мотив расплаты за жестокость, проявленную в прошлом или в настоящем, обозначен в романе без прямой авторской оценки.

Талантливо, как нам кажется, описана картина вознесения душ враждующих бойцов. Это гуманная попытка автора бросить метафизический взгляд в потусторонний мир и выяснить: может, есть надежда душам примириться хотя бы после смерти: «Я представил себе наши души, взлетающие на небо... Разнобоговы! Воинственные души!.. А по сути – детские воздушные шары разных расцветок <...> А с нами и разноцветные души чеченцев, тоже не менее дружно взлетающие, спешащие к небесам... После взаимной беглой стрельбы. Дружнее, ребята. Все вместе!

Прямоком к небу – с проселочной пыльной дороги. Но и на лету, уже подымаясь и вдыхая синеву, наши души сварливо перекрикиваются... Кричат... О солярке. О бочках с бензином. О том, кто первый начал стрельбу... Небесная, но все еще земная разборка» [8, с. 48].

Этот мотив повторяется и в другом месте: «Кто первый умер, неясно. По присказке – обе души бойцов вместе взмыли в небо... Рядом... Они могли бы взяться за руки. Душа чуткого Колесова и душа чеченца. Плывя к разным богам, они пока что были близко друг к другу... Тропы (небесные) еще не разошлись далеко» [9, с. 8].

В романе своеобразно выведен образ генерала Дудаева, с которым накануне первой чеченской войны познакомился Жилин. Дудаев настроен фаталистично: «Я сам случаен. Я тоже случаен. Поверь, майор... Лидер – это большая случайность!» [8, с. 118]. У Дудаева в концепции личности В. Маканина «простое, незлое сердце» [8, с. 119]. Он сочувствует Жилину и советует ему уносить ноги из Чечни, устраивать жизнь своей семье где-нибудь на берегу никому не известной реки.

Дудаев умелый политик, он «грамотно раскачивал лодку» [8, с. 118]. Но при этом «тонко чувствовал боль своего народа, униженного и оскорбленного (прежде всего высылкой из родных мест... полными составами!)» [8, с. 118]. Мотив депортации и боли тех, кто испытал этот ужас, встречается в повестях А. Приставкина «Ночевала тучка золотая», С. Липкина «Декада». Кажется, трагические последствия сталинской политики уводят нас уровень темы политики и нравственности. Но это тема особого разговора.

Жилин делится с Дудаевым своими переживаниями: даже лучший друг Жилина Костыев сдал его, сбежав в Петербург. И Дудаев понимает Жилина, развивая свою мысль в том ключе, что друзья предают, а все прочие сдают, относя это и на свой счет. Лучший друг для Дудаева – его мобильник. Но и мобильник предал генерала, когда по его импульсам была пущена ракета, уничтожившая хозяина. Между тем как мобильник остался цел и невредим. Горькая ирония этой бессмысленной войны.

Как показано в романе война обесценивает человеческие жизни. Так, чеченские крестьяне стараются заполучить русских пленных как рабсилу. Особенно хороши контуженные, поскольку не сбегут, побродят вокруг и вернуться к хозяевам. Нелепо погибает кроткий, не причастный совершенно к боевым действиям, генерал Базанов, любитель вайнахского фольклора, это месть чеченцев за убитого полевого командира Горного Ахмета. Ужасы плена, надругательства испытает на себе похищенная группировкой некоего Зелимхана журналистка, прототипом которой явилась Елена Масюк [11]. Жилину с напарниками не удастся вызволить журналистку, поскольку ее коллеги, лицемерно трубя в СМИ о гибельном положении женщины, только взбивали цену выкупа. В конце концов измученную женщину освободили за два миллиона долларов.

Реалистические образы российских командующих (Трошина, Шуманова) перемежаются у В. Маканина с образами полулегендарными как положительными, как, например капитан Хворостинин (Хворь), так и нравственно ущербными. К последним, в частности, относится полковник Зусцов, второй Ермолов, «который прошелся по селениям зачистками так яро, что вошел в песни горцев» [9, с. 54]. Чеченцы не успели отомстить Зусцову, он был убит «в какой-то сторонней криминальной разборке» [9, с. 54]. Другой – фанатичный полковник Дубравкин, славившийся среди своих и врагов быстрыми победными кампаниями, был убит после удачной боевой операции одним из пленных боевиков. Вновь рождается вопрос: нелепая случайность войны или провидение?

Жилина в конце романа убивает один из пригретых им контузиков Алик, в тот момент, когда герой расплачивался за горючку с чеченцем-посредником. Алик так и не осознал странных закономерностей военных торговых сделок: как это русский майор вступает в сделки с чеченскими боевиками? Ему всюду чудится, что он обманут, что кругом предатели. Но даже перед смертью благородный Жилин не выдает парня подбежавшему патрульному. Деньги Асана–Жилина три дня валялись в траве: «Говорили, что это был какой-то особенный, единственный случай за всю чеченскую войну, когда валявшиеся деньги три дня кряду не брали. Три дня – это много... Очень много» [9, с. 100].

Роман В. Маканина «Асан» – явление необычное для современной прозы. Являясь произведением реалистическим, в нем проглядывает притчевая основа, позволяющая читателю заглянуть в недра души человеческой, преподать урок гуманности. На наш взгляд, права А. Латынина, которая называет роман притчей: «Притча о том, как добро оборачивается злом, о невольной и трагической неблагодарности, о том, как страшно связаны в этом мире деньги и кровь (коварное двурукое божество всегда жаждет крови, даже если от его имени кто-то требует денег), – вот зерно романа Маканина. А военные действия в Чечне – лишь декорация, антураж» [7, с. 170].

Критикам, отказывающим роману в достоверности сам В. Маканин отвечает: «В этой вещи меня интересовала не столько чеченская война как таковая, а то, как на войне вдруг разыгрывается драма человеческой души. Не та драма, когда человек гибнет в силу случая. Драма – это когда человек взрывается изнутри. Его сердце разрывает то самое, чем он живет» [4].

Думается, что дальнейшие всесторонние исследования этого романа, особенно его нравственно-гуманистической основы, позволят безоговорочно поставить это произведение в ряд современной классики литературы.

Литература:

1. «Асан»: Pro et contra / Беседовали С. Беляков и А. Рудалев // Вопросы литературы. – 2009. – № 5. – URL: <http://www.glfr.ru/biblioteka/andrej-rudalev/asan-pro-et-contra.html>.
2. Бабченко А. Фэнтэзи о войне на тему «Чечня» // ArtOfWar. – URL: http://artofwar.ru/b/babchenko_a_a/text_0240.shtml.
3. Беляков С. Желтое колесо: «Асан» Владимира Маканина как симптом упадка. Не только социального, но и литературного. – URL: http://www.chaskor.ru/article/zheltoe_koleso_1361.
4. Блеск и слепота публицистики: Ответ Владимира Маканина на статью Аркадия Бабченко «Фэнтэзи о войне на тему "Чечня"» // Новая газета. – 2008. – 15 дек. – URL: <http://www.novayagazeta.ru/data/2008/93/30.html>.
5. «Зеленая лампа»: Литературный дискуссионный клуб: [Дискуссия о творчестве В. Маканина и романе «Асан»]. – URL: http://www.herzenlib.ru/greenlamp/detail.php?CODE=2009_letopis_20090212.
6. Коваленко Д. Пролетая над гнездом Асана // Москва. – 2009. – № 2. – С. 193–196.
7. Латынина А. Притча в военном камуфляже // Новый мир. – 2008. – № 12. – С. 163–170.
8. Маканин В. Асан // Знамя. – 2008. – № 8. – С. 13–132;
9. Он же. Асан: [Окончание] // Знамя. – 2008. – № 9. – С. 6–100.
10. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. – Т. 54. Дневник, записные книжки и отдельные записи, 1900–1903. – М., 1935.
11. Топоров В. Асан хочет денег // Взгляд. – 2008. – 26 июля. – URL: <http://www.vz.ru/columns/2008/7/26/190384.html>.
12. Яковлева Е. Батискаф по имени Жилин: [Опыт чтения романа «Асан»] // Российская газета. – 2008. – 25 нояб. (№ 241). – С. 13.

